

Игорь Князев-Куликов

Вердикт Лондона

Ностальгический отчёт

16+

Игорь Куликов

**Вердикт Лондона.
Ностальгический отчёт**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Куликов И. В.

Вердикт Лондона. Ностальгический отчёт / И. В. Куликов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

События командировки в Лондон в январе 1978 года представлены в виде путевых заметок, дополняются воспоминаниями о жизненном опыте автора и фактами советского прошлого России. Сопоставляя социальную обстановку по обе стороны железного занавеса, показано, как постепенно и планомерно политика руководства страны по инкубации стяжательства, предательства основ коллективизма неожиданно привели к развалу. Отчёт выполнен в виде последовательности кадров или образов, воспоминаний, размышлений, своеобразных клипов. Текст каждого клипа завершается краткими стансами на английском. Представляет интерес для любителей истории и словесности.

Содержание

Авторское предисловие	5
Часть 1. Прибытие	7
Клип 1.1. Как это случилось	7
Клип 1.2. Дружеская попойка в замке	16
Клип 1.3. Паруса, снега и ЦК	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Авторское предисловие

Жизнь коротка, наука обширна, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно.

Гиппократ, древнегреческий мыслитель, врач

Поприветствую моих дорогих читателей! Выбираю вас, как вы выбираете авторов, а все мы выбираем друзей. Это счастливый миг – представить неспешное повествование о ходе давней командировки в Лондон, сделанного человеком поколения без шор и розовых очков, уникального поколения трёхкратного изменения общественного строя от сталинского казарменного прогресса к недоразвитому советскому социализму и, далее, к воровскому рынку. Случилось так, что отчёт об этой командировке был написан сначала в стране Советов по-английски специально для полюбившихся мне с детства англичан. Теперь, он сделан как память о прошлых событиях в преданной врагам стране, и сделан он для вас, моих земляков.

Этот материал из прошлого предназначен для всех, кому интересен ход недавних судьбоносных событий в России. Уважаемыми англичанами мой рассказ о них оказался не востребован. Автор не исключает такое же безразличие и, даже, неприязненное отношение и к отчёту, и к описанному в нём прошлому теперь и в своём родном обществе. Однако приходит время надеяться на лучшее, рассчитывать на новых небезразличных соотечественников, благосклонных к рассказам очевидцев удивительной катастрофы гибели Советов.

Итак, перед вами своеобразный ремейк, симбиоз написанной по-английски повести «For a Weekky to London & Meditatus Stanzas. Report on a foreign mission in 1978» (издание «Лик», С.Пб., 2002) и того, что получилось в более многословном и объёмном русском варианте издания 2010 года, который много больше 110-ти страниц английского текста, вполне соответствуя жанру публицистики в виде путевого романа или отчёта. Новый электронный вариант – это авторская переработка с сокращением упомянутого романа под прежним названием.

Подчеркнём две особенности предлагаемого отчёта. Формально работа предстаёт в виде дополненного с учётом современных реалий и исправленного авторского перевода с написанного им же английского варианта на родной русский. Отмечая преемственность обоих вариантов, автор оставил в оригиналах после каждого раздела по одному из «Meditatus Stanzas». Это краткие нарочито-связанные со своими разделами стансы или строфы-размышления.

А что касается замысла работы, то переводной материал, как и оригинал, избегает штампов пропаганды, повествует о жизни советского мира через призму бытовых коллизий. Но английский вариант изначально и достаточно самонадеянно написан для читателей Западного мира. Тогда автор хотел перенести своё независимое слово из одной системы, да и в другую! Хотя подобных работ встречать не доводилось, на приоритет претендовать опасно. Конечно, наивный идеалист сделал холостой выстрел, пусть даже в библиотеки островов его слово и попало.

Теперь делается второй выстрел: автор задумал перенести независимое слово из прошлого страны, да в настоящее! Поскольку прорехи сегодняшнего русского мира заставляют кое-кого думать, как бы чего исправить, то и предлагается материал о прошлых реалиях, о сданном противникам, иезуитски преданном и утраченном мире. Вот вам, дорогие читатели, что было, да сплыло. Может, за минусом огрехов, что сгодится! Хочется верить, выстрел не будет холостым. Хочется верить, что работа не будет бесполезной, а значит, как говорили древние, глупой. Хочется верить, что «bene factum non anscedet» или, что добротное сделанное не пропадёт.

Пару слов о творческом характере предлагаемой работы. Хотя отчёт с его нетипичным стилем представляется автору потоком собственных воспоминаний о прошлом вместе с пото-

ком текущего сознания, однако после великого «Улисса» Джеймса Джойса он не может претендовать в этом приёме на оригинальность. Тем более, любому хорошо осведомлённому читателю станет очевидно, что автор не избежал влияния литературной глыбы Джойса. При этом автор делает в отчёте доступное ему усилие чуть-чуть помочь ветру словесности сдуть жалкую серятину небылиц с прошлого своего поколения. Он надеется показать нашу жизнь, надежды и опасения людей такими, какими они остались в его памяти, когда деньги не были мерилом успеха, небогатым полкам магазинов соседствовали набитые едой домашние холодильники, а стяжатели безнаказанно кормили поросят хлебушком социализма.

Так примите же, друзья, роман или повесть-отчёт в виде путевых заметок, личных воспоминаний и сопоставлений социальной ситуации в двух разных мирах. Примите отчёт на тему «отчего да почему, да по какому случаю» с учётом того, о чём сказано в эпиграфе. Примите ностальгический и публицистический отчёт от наших щедрот!

Часть 1. Прибытие

Клип 1.1. Как это случилось

*«Глаза боятся, а руки делают»,
«Делай хорошо, плохо само получится»*
(Русские пословицы)

Настоящий путевой отчёт о краткой научно-технической командировке в Лондон касается событий конца 70-х годов, времени зрелости нашего поколения. Поэтому перед вами типичный продукт ностальгии, но он вполне достоверен по своему содержанию. Мне с удовольствием вспоминается серо-чёрный пейзаж с солдатскими полушубками охраны, окружившей вылетающий на Запад авиалайнер, и неистовый шум его двигателей. Эти кадры были последним «прости» родины. Новая модель «Ил» с тремя турбинами начала свой полёт, тёмное небо вдруг сменило своей необъятностью вихри позёмки в свете посадочных огней аэропорта. Белый снег и чёрный лес пропали из вида. Целый Евразийский континент скрылся в полной темноте.

Отлёт стал завершением прошедшего этапа хлопот прежней жизни, мне было под пятьдесят, и реализацией давней мечты увидеть Англию. Это было началом моего пути в Лондон. Это был апофеоз мировой показухи, политического шоу Брежнева, которые вскорости почили в Афганистане. Это был свободный полёт отечественного специалиста по электронике в космическое пространство уважаемой и известной Международной электротехнической комиссии (МЭК), орбита – Технический комитет № 56, надёжность. Это было начало 1978 года, и никто тогда не знал, что этот год станет годом начала процесса нашего международного и национального краха, крушения всей политики коммунизма. Для нас всех это был год новых, светлых надежд на мир и счастье. Это было время вершины расцвета страны. Повторюсь, это было осуществление моей первой и последней, казалось, несбыточной мечты.

Действительность вдруг стала чудом. Стольким людям, готовым к международной поездке, было отказано, иногда в самый последний момент. Поэтому сама возможность выиграть в этой игре в свободу выглядела сверхъестественной. Когда я собирался и ехал в аэропорт Внуково, проходил в нём контроль, когда шёл по пустынным, холодным, унылым и сонным коридорам аэропорта мимо утомлённого, в помятой форме капитана-пограничника, я по-своему чудесным образом проходил сквозь железный занавес. Мы с капитаном оба знали правила игры. Он был последней частицей системы, которую я должен был покинуть, не смотря на мои отлично связанные этой системой руки и ноги. Мы играли свои роли.

– Привет. Попробую слетать на недельку в Лондон...

– Попробуйте...

Это была последняя и чисто формальная точка присмотра перед тем, как сесть из трубы терминала в самолёт, последняя попытка явить могущество социального равенства и справедливости под недремлющим оком КГБ. Безмолвный пустой коридор неотвратимо увлекал меня из России в Англию. Три метра ширины замороженного пластикового пола коридора были проходом в огромный мир. Этот проход метафизически существовал в железном занавесе длиной в двадцать тысяч километров. Мы оба знали, что не можем уклониться от своей судьбы, избежав этой игры: он был казак, я – разбойник, влюблённый в Англию со своих одиннадцати лет. Тогда, в эвакуации, я впервые услышал английскую речь в кружке языка от изысканной дамы, нашей великолепной учительницы, профессора Ленинградского университета.

Я улавливаю ваш телепатический вопрос: как же это произошло? Отвечу кратко, поскольку глаза боятся тьмы знаков, кучи бумаг. Смогу ли? Постараюсь, пока руки делают. Впрочем, может лучше сэкономить свечи. Поэтому у меня есть к вам одна маленькая просьба. Пожалуйста, прочитайте первый клип до конца. Первое впечатление обычно самое правильное. А дальше, решайте, стоит ли знакомиться с отчётом.

Вам будет представлен период советской жизни, когда как-то странно повысилось количество разрешаемых зарубежных поездок. Например, наш институт получил сразу, в один день, три письма из Москвы, из главка, в которых говорилось о государственной необходимости проведения за рубежом разных важных встреч с участием наших специалистов. Одно из них и стало моей судьбой. Руководство института вынесло по этим письмам вердикт о трёх счастливых случаях. Это были начальник отделения Николай Фёдорович (Н.Ф.), начальник отдела Владислав Александрович (В.А.), начальник лаборатории, коим стал я. Мы были руководителями различных по составу и объёму работ подразделений, имели разное начальство, и входили в компанию приятелей, без претензий друг к другу, с кругом общих интересов.

И, хотя задания на командировку были необходимым, но абсолютно недостаточным условием для реализации поездки, всё равно, мы чувствовали себя польщёнными. Ведь чтобы вердикт о поездке был вынесен, непременным условием была достаточная профпригодность наравне с полной уверенностью в надёжности того, что мы не подведём руководство в смысле возвращения на родину. Кроме того, при выборе кандидатов начальством приоритет оказывался не тем, кто владел заявленным предметом, а тем, кто не чурался общественной работы, пусть чисто формально. Все три назначенных кандидата удовлетворяли в разной степени упомянутым критериям. Но настоящее «добро» в необходимые для отъезда сжатые сроки оформления документов давали другие инстанции: горком, отсюда требовалась партийная лояльность кандидата, министерство, которое обычно доверяло институту, и, главное, Большой дом. Словом, это была игра «любит – не любит», «успеет – не успеет», за исходом которой с интересом наблюдали наши друзья, начальники и родственники.

Из трех резолюций только резолюция по моему письму на командировку привела к оформлению документов на выезд. Для моих друзей со временем были реализованы совсем другие резолюции, потому, что они фактически были нештатными зарубежными путешественниками по их положению и разговорному английскому. Они подходили для заграникомандировок, были внешне привлекательными, спокойными и разумными людьми, подготовленными профессионально и проверенными для выполнения таких миссий. Но каждый из них был хорош и в своём роде. Н. Ф. был из благословенной Белой Руси и стал у нас признанным лидером, вдохновителем большого коллектива. В. А. был человеком компромисса и, если надо, всепрощающим исполнителем; коллектив отдела из нескольких лабораторий он объединял эрудицией, мягкостью и иронией.

Я полностью не уверен, но думаю, что Н. Ф. мог быть «баловнем» кэбээшников. Ведь за рубежом он работал систематически в одном месте, в центральное бюро МЭК в Швейцарии, и ездил он туда постоянно на протяжении ряда лет. Такое не позволялось никому, кто не был особо доверенным для КГБ. Как абсолютно здоровый русский человек, он имел слабость к алкоголю, но для него в ту пору это не было дефектом, скорее наоборот. К нему подходила поговорка: «пьян, да умён – два угодья в нём». Выпивка делала его, очень сильного человека, как бы уязвимой личностью для системы, которая не жаловала сильных, да ещё и неуязвимых людей. С учётом этого изъяна он был свой, поддающийся контролю, человек.

Что касается В. А., не думаю, что на нём была печать КГБ, потому что он представлялся в деле общения с людьми слишком мягким, хотя доля еврейской крови делала его твёрдым прагматиком и человеком дела. Ко всему, системе для контактов за рубежом очень подходили не слишком уверенные в себе и мало владеющие обсуждаемой на встрече информацией люди. Ей были нужны, как и в моём случае, профессиональные куклы, хотя бы они и остава-

лись личностями. Правило иностранных встреч: пришёл, услышал, сообщил. Никакой инициативы. Поэтому он тоже был любимцем системы, количество его зарубежных поездок по разным направлениям работ, проводимых в институте, приближалось к десяти.

В частности, В. А. вернулся из Лондона незадолго до того, как я отправился туда, и рассказал мне последние лондонские новости: открытие станции метро Хитроу и начало рождественской распродажи. Его визит в Лондон был для него всего лишь одним в ряду других визитов и не более. Он был членом нашей представительной делегации на какой-то конференции и жил в общежитии нашего посольства: вся компания хорошо знакомых людей в одной квартире. Таким образом, он имел в Лондоне работу, удобную крышу, рационально пользовался транспортом и экономил валюту для финального шопинга. Но Лондона и лондонцев он настоящему не увидел, да и не очень этого хотел.

В отношении меня, никто не верил в будущее моего визита не потому, что я не был специалистом по теме командировки, а из-за слишком низкой организационной вероятности такого события. Это было моё первое поползновение выехать к буржуям, хотя у союзников по СЭВ я уже побывал. Обычно перед удачной поездкой было необходимо сделать две-три бесполезных попытки выехать в капстрану. К примеру, чемпионом института по безуспешным потугам такого рода в ту пору был начальник крупного подразделения и хороший мужик Лиходаев. Он условно пропутешествовал по всему миру в мыслях, когда старательно готовился к очередной зарубежной поездке, систематически знакомился с вопросами командировок, покупал обновления. Увы, забегая на много вперёд, за рубеж он так ни разу и не попал. Почему это было именно так, никто не знал, но от этого ему не было легче. Необходимые для поездки бумаги всякий раз запаздывали. Его всегда ждал провал, и все это знали. Возможно, это было потому, что в его фамилии был корень «лихо».

Вероятность успеха моего отъезда колебалась по трезвым оценкам друзей от 30 до 10 процентов. Однако неожиданно для меня всё в деле оформления документов стало складываться в лучшем виде. Игра проходила по правилам и в нужное время. Инстанции доверяли человеку. Было бы странно, если бы они не делали это: я много и небезуспешно работал на благо тематики и исправно платил партийные взносы.

Опасность опоздать на праздник появилась с традиционной стороны. Мои документы на отъезд застряли в Большом доме (департамент КГБ в Ленинграде). В 1977 ключники застенков этого штаба борьбы с контрой превратились в простых клерков, но профицит революционности и власти в этой серьезной организации остался. Свежее поколение чекистов под мудрым руководством товарища Андропова готовились к новому удару по внутреннему врагу. Они делали диссидентов, наспех готовили из них героев и мучеников. Эта работа увеличивала рейтинг противников системы и, в конечном итоге, оказала неоценимую помощь в её распаде. Во всяких других делах клерки могли позволить себе быть неторопливыми и даже забывчивыми. Каждый выезжавший специалист, кто бы он ни был, должен был ждать их окончательного решения, быть или не быть зарубежной поездке. Как правило, они давали разрешение, но очень часто слишком поздно. Как соотносились в этой странной статистике случаи обычного разгильдяйства, профессионального высокомерия и вежливых отказов по существу, сказать не берусь.

Но, чу! Наглый Давид пощекотал Голиафа, и великан чихнул от удовольствия. Как только я почувствовал по сроку оформления документов опасность задержки, я использовал первую же возможность и рассказал, это случилось на ходу, на ногах и в коридоре, главному инженеру нашего института Эрнста Дмитриевича (Э.Д.), который ранее наложил резолюцию на пресловутом письме, дав добро на поездку. Я поведал ему о моем предчувствии краха плана выезда. А понимающий Э. Д. тут же, очень удачно, переадресовал моё опасение заместителю директора по кадрам тов. Знамову.

Произошла эта мизансцена экспромтом, мимолётно, у дверей кабинета главного инженера. Он задал вопрос тов. Знамову, который случайно проходил в момент разговора мимо нас. Нарочито строго и слегка иронично Э. Д. спросил: «есть ли у нас железный занавес или нет?» Потом в двух словах попросил коллегу прояснить этот вопрос в Большом доме. Тов. Знамов был отставным чекистом, любителем анекдотов, надёжным собутыльником, понятно, с выбором, и приятелем Э. Д. В далеком прошлом заместитель по кадрам был шефом одного из сибирских лагерей. Теперь у него были друзья в Большом доме из бывших сослуживцев. Они по его звонку извлекли мою судьбу из бумажной кучи. Москва получила необходимый «зелёный» вовремя. Путь в Лондон был свободен. Остальное, в том числе и встреча с чиновником ЦК на Старой площади для проведения моего политического инструктажа, поскольку я впервые выезжал в капстрану, всё это было формальностью.

Я слышу, если не ошибаюсь, ваши новые вопросы: "Кто такой Э. Д., и почему он помог?" Эти вопросы позволяют предположить, что кое-что из отчёта вы прочли.

Представленный выше Э. Д. в юности был моим однокашником по Военно-морскому училищу, но потом наши пути разошлись. В прошлом мы не были друзьями, но хорошо знали друг друга. Он вырос в большого начальника научного института мгновенно благодаря московским родственным связям, оказавшись на своём месте, поскольку был находчив, очень честолюбив, крепок физически и привлекателен для женщин, а главное, достаточно хорошо подготовлен по широкому кругу технических вопросов, чтобы стать лидером. В его роду были немцы, и это чувствовалось в его твёрдом характере. Он взял меня в свою команду, потому что я подходил по опыту прошлых работ и был ему нужен, чтобы исправить положение дел в одной печально заброшенной, но важной для него лаборатории института. Сыграло роль старое знакомство, но скидок на него не было.

Предлагая мне новую работу, шеф обещал помочь её наладить деньгами и оборудованием, принять новых людей. Поскольку я колебался, то он обещал мне также по возможности организовывать заграничные командировки, "чтобы понять своё невежество". Так я стал его человеком в институте, помог ему закрыть некоторые технические проблемы, а шеф меня в этом деле поддерживал. Это было, и это прошло. Это было так давно...

Здесь я сразу слышу новые законные вопросы о том, почему же мне так повезло, в каком это было обществе и как его нравы повлияли на успех? И почему я решил выполнить такой экспромт описания упомянутого везения на английском языке? Как я смог поднять моё дилетантское перо на отображение Лондона после У. Блейка, Диккенса и многих великих авторов? Я сознаюсь, что ответ на эти вопросы не будет кратким. Я сделал всё, что смог, чтобы ответить на него в довольно полном отчёте. Прочесть его будет непросто, даже, если вам будет удаваться преодолевать сонливость. Поэтому стоит добавить несколько слов, чтобы изначально оправдать моё вторжение в деликатную лондонскую тему, сначала на английском, а теперь и по-русски.

Есть несколько причин такого легкомыслия, но главной причиной является: мне нечего терять, нечего проигрывать, поскольку ещё есть время, в которое я уже не могу потерять волосы, отказаться от каких-то надежд или лишиться денег. Однако я вижу проблемы: Запад знает о Востоке гораздо меньше, чем Восток о Западе. И, главное, он ничего не знает о наших неудачах и неприятностях, чувствах стыда и тоски, о монтаже международного ига в России. Не знает потому, что у него нет никаких аналогов наших несчастий, случай Россия-СССР уникален. Уникально и то, что сегодня Россия под мудрым руководством прозападной элиты, забывает своё совсем недавнее прошлое.

Наш великий поэт А. Блок заметил, цитирую, о способности славян вникать в проблемы и принимать другие миры:

«Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...»

Эта способность сыграла и продолжает играть с русскими недобрую шутку, потому что их собственный мир от такого понимания теряется среди корыстных интересов других известных и понятных им миров иностранных народов. Однако теперь я хочу войти в англо-саксонский прагматизм без ущерба для чьих-либо интересов, если не брать во внимание ущерба, который обнаружился в ходе многолетней работы у фактуры моего старого словаря. Я изложу вам причины моей неожиданной англофикации с нескольких различных точек зрения.

Во-первых, хорошо известно, что краткость сестра таланта. Поэтому я хотел быть очень кратким, но мой русский не позволял мне сделать это, даже если здесь была не сестра, а только двоюродный брат. Труд перевода это единственный для меня надёжный способ, чтобы избежать болтливости и приблизиться к мастерству. По крайней мере, масса лишних слов будет сидеть взаперти. Обратный перевод – тоже хороший фильтр, хочу надеяться.

Во-вторых, наша жизнь имеет великий принцип: без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек. Длительный срок жизни заставил меня приобрести много-много разных бумажек-свидетельств: водителя, охотника, яхтсмена-рулевого, инженера и так далее. Но у меня не было сертификата русского писателя, и писать по-русски, чтобы издаться в России, было для меня бессмысленно. Теперь-то другое дело: хочешь печататься – деньги давай.

В-третьих, можно еще раз вспомнить Блока, который сказал, "одной слезой река полней". Мне было ясно, что российские реки поглотят мою слезу, не заметив её. Так что я очень наделся на Темзу. А что, быть может, моя капля-отчёт не потонет в лете англоговорящей аудитории. Увы, я ошибался.

В-четвёртых, мы, русские, должны покаяться за процесс мутации нашего языка при Советах. Он превратился из системы моносмысловой ясной концепции изложения мыслей в инструмент по разведению запутанных и туманных вопросов. Мне за это стыдно. Но это произошло стараниями нерусских марксистских идеологов, мастеров бесстыдства печати, радио и ТВ. На русский им было всегда наплевать, а сделано это было для систематического затемнения мозгов и мистификации всего, что связано с насилием и обманом. Я тоже грешник, не я ли проводил трафаретные политинформации с матросами? Теперь, решил я, без меня! Не проходит по-русски, сделаем по-английски.

В-пятых, в развитие четвёртого, я хотел скрыть содержание работы от моих близких, включая недоброжелателей. Я полагал, что отчёт никогда не будет переведен на русский язык, и никто из моих героев не будет с ним знакомиться. Так что я никогда не буду ни в чём перед ними оправдываться. Обычная история того времени: кукиш в кармане или писание в стол. Нынче прошло время и поставило всё на свои места. Оправдываться не перед кем, недоброжелатели, увы, потеряли ко мне интерес.

Помимо указанных объективных причин, есть одна субъективная и очень простая причина моего неожиданного проникновения в пен-клуб. Я получаю удовольствие от решения русско-английских головоломок, эта работа дает мне приятное деловое времяпровождение. Это моя заводь, где никто не мешает мне делать то, что я хочу. Опять вспомним смысл поговорок древних: труд (labor) сам по себе удовольствие, кроме того, он заставляет забыть о заботах. Увы, напоминает печально известное: «труд сделает вас свободными».

Закончив очень краткий самоанализ, следует перейти к менее краткому из-за сложности вопроса изложению того, из какого общества я вышел и возник на сцене в Лондоне физически? Из какого времени и пространства? Чтобы предельно сжато объяснить это обстоятельство, нужны не просто слова описания, их может оказаться слишком много. Нужно попробовать визуально воссоздать атмосферу того времени в её многоликости. Нужны действующие лица, нужна обстановка театра. Мне нужны помощники, и я их вам представлю. Мы должны поставить небольшой компанией коллег миниатюрную, одноактную пьеску под названием "Дружеская попойка в замке". Это будет сделано в следующем клипе. В ней будут задействованы лица, которые были описаны ранее, но их маловато. Чтобы воссоздать широкий спектр мне-

ний, нужны и другие личности, поэтому представляю вам ещё несколько словесных зарисовок моих коллег, которые необходимы для задуманного традиционного сюжета русской выпивки.

Начальником экспериментального цеха института и почти постоянным неоплачиваемым заместителем секретаря парткома института был Александр Павлович, которого все называли просто Палыч. Он выглядел доброжелательным крепышом, хорошо понимал своих заказчиков и интересы подчинённого трудового народа, поскольку выбился в начальство из простых рабочих, получив образование без отрыва от станка. Как и весь его коллектив мастеров и рабочих он очень уважал выпивку, но, с кем попало, не расслаблялся. Он хорошо понимал правила игры, а потому был всеми уважаем. Однако до штатного вождя парторганизации, номенклатура райкома партии, его реноме не дотягивало. В вожди тоже выбирали покладистых, но более представительных и отёсанных персон, как-никак – институт. Выбирали людей, не запятнавших себя грубыми реалиями жизни, которых на производстве хватало. Впрочем, его положение было достаточно прочным, а на большее он не претендовал. Он мог работать руками, ясной головой и хорошо подвешенным языком, но его главным достоинством была совместимость с надеждами и желаниями нашей администрации. Цех успешно справлялся и с планом, и с личными заказами начальства, партком всегда шёл в кильватере, строго после, начальства, а сам он внимательно следил, куда дует ветер.

Начальником метрологической службы института был Николай Петрович, которого за его импозантную внешность и невозмутимость друзья именовали Кинг. Он подчинялся главному инженеру, и, по совместительству, был постоянным членом институтского коллегиального партийного руководства. Как видите, партком не имел случайных людей. Начальству института лишние проблемы были не нужны. Поэтому на рассмотренном уровне стремление верхушки партии всё знать о делах института блокировалось почти полностью при помощи хорошо подобранной для парткома команды своих людей. И наш коллектив не был исключением, так было везде. Партийное всесилие на деле было всесилием определённых чиновников на местах. И Кинг как член парткома был для реализации гегемонии администрации незаменим. Это был спокойный, понимающий и молчаливый великан, скромный и, в то же время, уверенный в себе человек. Приятно было его видеть и общаться с личностью такой богатой природы и доброжелательности.

Руководителем ведущего и самого крупного подразделения института, отделения, был Владимир Иванович (В.И.), которого лично я звал про себя «Заземлителем», поскольку он легко негативно возбуждался и критиковал всех и всё. Этот поджарый человек небольшого роста был личным и близким другом Э. Д. Последний доверил ему главное направление хлопотных экспериментальных и очень важных для заказчиков работ института в сфере испытаний нашей техники. К тому же, В. И. выступал в роли советника и информатора главного инженера. Для него были характерны неизменно отрицательные оценки любой информации о фактах, которые его, хитрого хохла, непосредственно не касались. Такая же оценка ждала разного рода чужие технические предложения, которые стекались к Э. Д. Способность завидовать окружающим и злопамятный характер делали его очень ценным для Э. Д., которому не хватало времени и желания критически оценивать поток поступающей информации. Поэтому В. И. и был незаменим советником в ходе многотрудных дел главного инженера.

Теперь, когда действующие лица определены, можно представить и место действия. Мы должны почувствовать на этой сцене устоявшуюся атмосферу советского общества в ту пору и ознакомиться с ходом небольшой пьянки. Очевидно, что пьянство весьма плачевная привычка и, в тяжелых случаях, это путь к разрушению личности и превращения человека в изгоя. Однако когда ваше общество барахтается в традиционном употреблении алкоголя как в средстве сближения, вы должны интерпретировать это социальное явление от противного: трезвость становится путём к дискредитации. И наоборот, выпивка, как процесс, объединяет коллег, консолидирует их и повышает доверие между ними. Таким образом, в ту пору офици-

альная вертикаль власти также дополнялась некоторыми горизонтальными связями на уровне отдельных часто псевдо дружеских, поскольку алкоголь всегда остаётся иллюзией, компаний с их взаимными интересами. Более того, каждый руководитель старался стимулировать свою компанию для работы, как ныне и для бизнеса, а также отдыха на основе совместных застолий.

И было нечто ещё более замечательное в нашей очень спокойной и размеренной общественной жизни, в сонной атмосфере общественного согласия. Вы всегда говорили «да», когда появлялись хоть на какой трибуне. Но вы никогда не одобряли генеральную линию безоговорочно в вашей компании и даже среди малоизвестных людей, если это не было официальное заседание. Там каждый мог сказать, что он хотел, и если только это не было глупостью или чистой воды провокацией. Однако, в качестве исключения, можно было проделать и антисоциальный экстрим, только без надежды на ответ и без общественного обсуждения. А если вы не были согласны с этими общими правилами поведения, то вы были опасным человеком или сумасшедшим, возможно, вы были бы клиентом КГБ. Лично я таких людей не встречал.

Фактически наше общество было лишено всякой возможности делового обсуждения своих проблем. Партийные боссы давили саму мысль об этом с помощью тайной полиции, выявляя ростки официального недовольства и недоверия. Находить их было довольно сложно, потому что подавляющее большинство населения было вполне удовлетворено жизнью и равнодушно к любой политике. Поиск недовольных властью людей напоминал тяжелую, всячески скрываемую работу по раскачиванию лодки. Это, мол, она сама кренится, такая-сякая. В ход шли все противоречия и подозрения, обострение отношений с евреями, самым легковоспламеняющимся материалом нашей истории. Как результат этих усилий, евреи в первую очередь и взяли курс на исход из Союза. Они оказались наиболее послушными, хотя и не одинокими, игрушками партийных боссов в море русской апатии.

Да, это очень странно, потому, что достаточно хорошо устроенные и уважаемые еврейские специалисты нашего института стали в конце 80-х годов вдруг лихими первооткрывателями бегства на Запад, продав свои недавно полученные от института квартиры и оставив тёплые рабочие места. Это странно, потому, что они имели полный набор моральных и материальных благ, которыми пользовались люди их положения. Но они вдруг поднялись, когда им вдруг официально разрешили это сделать, и вдруг оставили Россию ради Америки. Почему они это сделали? Не спрашиваю, почему им это разрешили, по чьей инициативе они побежали. Некоторые говорят, что им не нравилась пятая графа анкеты о нации человека. Такое объяснение мелко, тем более, что этот пункт никому из них он не мешал стать высокооплачиваемыми специалистами. И вообще, идентификация любого национального меньшинства только мобилизует это меньшинство на самореализацию. Дело этой спешки тёмное, но теперь, после стольких лет возникает мысль, что весь этот еврейский шухер возник в предвидении скорого обвала системы, так сказать в порядке профилактики. Знание – сила.

Можно ли осуждать за это евреев. Считаю, нет. Кто организовал исход, тех надо судить за всё, что они натворили. Но дело не в том. Надо помнить эту страшную страницу истории. Мыслящие люди России должны выработать свою идеологию национализма, кстати, сродни издревле еврейской собственной идеологии, поскольку лишь национализм реально обеспечивает чувство собственного достоинства и уважение разных народов.

Простите, но я забежал вперёд. Продолжим по порядку. Сейчас вам будет представлен один небольшой и тривиальный эпизод скорее частного, чем общественного порядка. В нём примут участие несколько сценических персонажей, затронут много разных вопросов и мыслей, касающихся институтских и более общих дел и планов. Но по сути – это репортаж с дружеской попойки, с которой все успешно добирались домой. Я ставлю эту сцену в стиле реализма на ваше рассмотрение, поскольку отчёт обязывает.

Перед вами кабинет Э. Д., второго человека в руководстве нашего института. Кабинет расположен в просторном помещении загородного дворца, построенного в стиле замка. Этот

прекрасный дворец-замок в годы войны и немецкой оккупации пригородов Ленинграда был разграблен и сильно разрушен. После войны он, к счастью, не остался бесхозным и был восстановлен без реставрации интерьеров на деньги нашей промышленности именно для института. От прежнего великолепия нам в наследство остались неповторимый внешний вид замка и поистине царская планировка помещений.

Итак, институт сохранил внутри здания пространства XVIII века. Представьте себе: большую светлую комнату с высокими сводами и арочными окнами, благородный облик входной двери. Но эти детали были лишь отдельными атрибутами прошлых времен и бывшего совершенства, когда эта комната была только небольшой частью длинной и широкой галереи, когда то полной образцов прикладного искусства и картин. Мебель кабинета, как принято, была выполнена в современном стиле. Шеф сидит на своем месте. У приставного длинного стола для совещаний разместились подчиненные, сердца которых вполне преданы начальнику. На столе, видны бутылки и чувствуется запах коньяка. Рабочий день давно закончился, но компания и за рюмкой не перестаёт обсуждать деловые вопросы, так сказать, в вольном стиле.

Моя простодушная история не была бы полной, если бы я не сделал ссылку на дух старого дворца. Но как я могу сделать это в предлагаемой миниатюре? Я прошу прощения за нарушение принятых правил композиции и логики действия, которые существуют для драматургов. Автору придётся нарушить законы логики, потому что дух, как известно, им не следует. А что остаётся делать, если среди нас, работников дворцовых площадей, жил дух старых времен, древний житель замка. Он пересидел, видимо, в подвалах и подземных ходах лихие времена и следил за поведением нынешних владельцев современного научно-технического величия дворца. Поэтому я прошу вас не удивляться призраку, который также принимает участие в вечеринке. Бояться его не надо, он всего лишь лакей, а дух лакейства в сфере обслуживания остаётся неизменным во все времена и у всех цивилизованных народов.

Что касается изобилия на столе, коньяк дешёвым не бывает, оно частенько обеспечивалось абиссинским институтским налогом. Этот налог был не местным, а всеобщим блестящим изобретением системы, когда вымогательство власти носило вполне мирный и даже добровольный характер со стороны обираемых лиц. Успешно завершённые исследовательские работы премировались, а награждение непричастных к этим работам персон вело к добровольному возврату труженниками оговоренной части средств. Таким образом, полученное по ведомости под расписку богатство переходило из рук в руки щедро награждавшему начальнику. Так у вполне того заслужившего вознаграждение руководителя, которому по закону не разрешалось за успех работы получать свыше определённой суммы, появлялись чистые и неподконтрольные средства. Это был финансовый немного обман в духе времени развитого социализма. Если вдуматься, всё по жизни логично, поскольку деньги эти надо было заработать. Но, по сути, это было аморально и разрушительно, не столько для людей, которые знали, за что получают, сколько для системы, которая сама себя разлагала на корню элементарным беззаконием.

Далее одна общая ремарка, которая касается проявления смеха в представленной сценке. Поскольку люди собрались повеселиться и отдохнуть, они пользуются случаем дать выход своему чувству юмора. Понятно, получается это у каждого по-своему, но никто не собирается отставать, если можно посмеяться. В результате, смех становится своеобразным фоном разговоров подвыпившей весёлой компании. Чтобы не отвлекаться на эту деталь по ходу пьесы, вводим условные знаки формы смеха в трёх её основных ипостасях весёлости: знак * представляет собой одинокий смех сказавшего, ** – означает смех многих слушателей на замечание, @ – всеобщее (смеются все) веселье. Понятно, что существует масса других градаций смеха в компании, но я на них не захожу. Надеюсь, вы включите свою фантазию. Уверяю, что матерью этого моего бессловесного изобретения знаков смеха, как всегда, является её величество необходимость.

Song of Innocence

How sweet is the Traveler's sweet lot!
From the morn to the even he explores;
All his debts are at home, he's not.
He's traveled as Christ sheep. Yes, course.
There cannot be the slightest doubt that
His innocence is not bad, it is all.
He is favored with a journey by true God;
He's gone through the screen, evens call.
This is stupid to find some intent
Of the fate gift that's Heaven redoubled.

Клип 1.2. Дружеская попойка в замке

*Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут
И, взвизывая, занавес шумит.*
(А. С. Пушкин)

Краткие характеристики действующих лиц сцен, а также смысл значков *, ** и @, поясняющих реакцию участников застолья, которые представлены в тексте, на реплики собутыльников и на полученную по ходу действия степень веселья, смотри в клипе 1.1.

При подготовке этой одноактной пьески автор неожиданно столкнулся с вопросом личных имён её героев. В нашем обществе того времени обычно было принято обращаться по работе, и не только официально, по имени и отчеству, что соответствовало традиции русской культуры. Обращение по имени считалось нормальным к хорошо знакомым людям, близким друзьям. В своём кругу, включая дружеские попойки, широко употреблялись сокращённые имена. Всеобщая американизация нашего культурного пространства расправилась в сфере личных контактов с русской культурой самым решительным образом настолько круто, что из обихода при обращении стало исчезать понятие амикошонства. Неужели это прогресс?

Но я не хочу прослыть в этом вопросе ретроградом, поэтому изжил старую моду и постарался, по мере возможности, вообще избегать в текстах сцены обращений, а героев кратко именовать в соответствии с контекстом клипа 1.1. Мои наиболее близкие из всех остальных приятели Н. Ф. и В. А. имеют имена Николай и Слава, а Э. Д. проходит как шеф.

ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ

Кабинет Э. Д., главного инженера института. Раздаётся звонок телефона. Шеф привычно поднимает трубку.

Шеф. Алло. Такой усердный мальчик и так поздно? (Пауза) Да? Господин Князев, немедленно ко мне. Сразу. Нет! Долг – прежде всего. (Кладёт трубку) Тупой доцент...

Слава. А он имеет хорошее чутье, почувствовал приятный запах обмывания, как будто потомственный алкаш. *

Шеф. Я дал целеуказание, поскольку ему надо помочь. Ведь к поездке в Лондон готовятся не каждый день, тут любой может заучиться.

Лихо. Ого! Чем короче сборы, тем спокойнее жизнь. Я много собирался только с одним результатом: жена каждый раз покупала мне импортный костюм. ** Теперь у меня есть гардероб для представительства.

Шеф. Это лотерея, сегодня его билет выиграл. Признаться, не ожидал. С этим делом ему крупно повезло.

Лихо. Знаем, кому везёт.

Шеф. Никто не может быть дураком всегда, но иногда – каждый. А сейчас надо сделать его таким же умным, как мы. Слава, пожалуйста, приготовь ему штрафной.

Николай. Почти всё пусто. Теперь его очередь... Ему дорога в Лондон через гастронорм. Хотя, гандикап почти обеспечен. @

Шеф. Тихо! Теперь моя очередь. Палыч, возьми и организуй, как всегда. (Даёт деньги) Скажи водителю слетать с тобой туда-сюда. Отоваривайся на все...

Слава. Но мой новый автомобиль! Мы ещё не обмыли колёса. Палыч, извини, прибавь и это. (добавляет деньги) Полный ход! Full speed!

Палыч выходит. Сразу за ним входит одетый в старомодную ливрею и в парике лакей. Он приветствует компанию низким поклоном.

Лакей. Уважаемые господа, я прошу прощения. Вы просили меня доложить, когда иссякнет запас армянского вина и придёт время возвращаться домой.

Шеф. Уйди! Приём продолжается... **

Лакей. Господа, а как же дамы, пардон, девочки? Они ждут и можно выбирать.

Шеф. Уйди!

Лакей уходит. Недолгая пауза.

Николай, тихо. Слава, этот подлый раб напомнил о картотеке скучающих сук из подпольных красных фонарей нашего городка. Слыхал, это изобретение демократии свободных ё... и благородных шлюх. А шеф – не промах...

Слава, тихо. Да, Коля. Дайте нам, приматам, запретный плод развитого социализма. *

Заземлитель. Этот старый дурень позволяет себе слишком много. Шеф, сказал бы ты ему, чтоб он не совал свой клюв, куда не следует.

Шеф. Проклятие! Государство должно успевать везде. А где оно отказывается, там обойдётся и без него. Но если кто-то вынесет это обстоятельство на свет... Он об этом пожалеет, такое правило. Весь мир признает: бордели – это необходимость. Все, кроме наших импотентов.

Николай. А что, мы должны идти и тут впереди планеты всей! Вспомним о любви улиток. У них в ходу файлы, или кольца общих, коллективных совокуплений. Вот, где должен быть наш вклад в мировой прогсекс. **

Кинг. Никаких проблем. Единство рядов и партийная дисциплина.

Раздаются голоса (почти одновременно) и @:

– единство противоположностей, серп и молот в руках сутенёров;

– генерально-гениальный секретарь прав всегда, а если он молчит об этом, то и он согласен;

– советские проститутки лучшие в мире и наиболее надёжные.

Входит лакей и объявляет:

Господа! Начальник лаборатории номер 263, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, изобретатель СССР, ударник коммунистического труда, морской артиллерист, капитан-лейтенант запаса, член...

Шеф. Заткнись, негодяй! За твой длинный нос и за выслугу лет тебя уволить мало. **

Я появляюсь в дверях со словами:

Ого, театр уж полон...

Заземлитель. (Обращаясь ко мне) А вот наш герой, наш академик. * Мы подготовили вам входной билет. (Показывает на бокал с коньяком) Нет, это не штраф, а премия за то, что вы удачно обманули органы, партию и весь советский народ. Выпейте для порядка обмывания новой ценной вещи в нерабочее время и присаживайтесь.

Шеф. Итак, вы изобрели Советский Союз. * Расскажите нам, как вам это удалось. Как вам удалось околпачить для этого народ России и самого себя? Присаживайся, изобретатель...

Я (усаживаясь) Sir, I do, I do, I do... Но я и все наши люди делаем это, и науку толкнули мы вбок, под вашими знамёнами.

Шеф. Да ладно... Я бы запретил вам, и всей вашей любознательной команде что-то придумывать, чтобы не портить того, что сделано. А вы – грабители нашей казны, изобретатели-мастурбаторы. ** Натуральные бездельники под видом созидателей велосипеда. И они ещё получают деньги за это недостойное удовольствие! @

Я. Мы грабим только почтовые дилижансы призового фонда имени Эдисона, а деньги мирных граждан мы уважаем. С другой стороны, как мы можем моделировать температуры, время и пространство для тестирования компонентов, но без новых идей, за которые платят? Это ваш заказ, чтобы проверить здесь, в мрачном подвале нашего павильона, а не рядом со светлым Господом, в космосе, что будет, если...

Заземлитель. Эти ребята – нахальные очковтиратели, потому что лаборатория снова узурпировала первое место по конкурсу изобретений. Потери фонда заработной платы у настоящих работников, конструкторов, достигают десятков тысяч. ** А они делают вакуум, пустоту, и ещё получают за это деньги.

Николай. Господа, если в этой лаборатории не выполняют свой долг, допустим, прогуливают, то наше общество имеет от этого чистую прибыль. Каждый, кто отсутствует на работе или ковыряет в носу, изобретая, является инициатором экономии народного богатства. Это экономия электроэнергии и материалов. (Обращаясь ко мне) Мы должны поздравить тебя с победой в абсолютной безнадёжной работе по изобретению того, что Создатель давно изобрёл или даже того, что Он не сделал ввиду явной бесполезности. * А нашего дорогого друга мы поздравляем с новым автомобилем!

Слава. Да, пожалуйста. Твоя очередь, выпей за мою прекрасную новую блондинку на четырёх колёсах. Она того стоит, я стоял за ней в очереди в институте три года!

Я. Мои поздравления, и долгий путь без проколов тебе и блондинке! (Выпиваю коньяк) Такая замечательная штука – все четыре колеса! Теперь ты можешь ехать, куда захочешь.

Кинг. Куда захочешь, ездят только на танке, а в каждом панцире – сто малолитражек.

Слава. Ну да, танк танкетку полюбил, в лес её гулять водил! Понимаешь, Кинг. Двадцать пятый курултай постановил изготовить для любви сорок тысяч гуляк, считай, вместо миллионов блондинок.

Кинг. Танк, всё таки, надёжней, чем машина, да и ездит до Берлина! * Хотя небольшой перебор, тысяч в тридцать, налицо... Так что моя очередь на авто, увы, за горами.

Я. Да не переживай, целее будет. Но что ж я вижу? Уже восемь часов, и вы ещё трезвые. * И нет никаких перспектив, если только я не принесу немного дровяного бренди из моего валютного фонда.

Раздаются голоса: Пигмей, недораскулаченный жмот, пожиратель огненной воды, стыд тебе, оскорблять общество!

Лихо. Мистер Князев, не волнуйтесь. Мы работаем по железному плану, а ваша задача теперь, это – жевать закуску. Мы трезвые и мудрые, так что слушайте и делайте умственные заметки, которые могут сгодиться вам для учёбы сумасшедших, по Гамлету, англичан.

Шеф. Господа! Я не понимаю, как вы пьете такую страшную штуку, как спирт. Мы получаем по разнарядке тонну в месяц на институт. Это же спирт-бомба!

Николай. Не торопитесь с выводами. Это по расчёту всего 4000 бутылок водки. По настоящему, их недостаточно для 2000 здоровых мужчин и женщин всего на один месяц. А сколько из этого сокровища мы должны отдавать налево в благих целях? Нет, это не бомба, но всего лишь только пуля.

Кинг. Да, но эта пуля попадает в мозги не более чем ста чемпионов из персонала института. Большинству – течёт по усам. Гвардия лужёных глоток составляют глупо-героический авангард борьбы с зелёным змием. В пересчёте для них каждый месяц не так уж и мало.

Николай. Я хочу сказать слово похвалы этому отряду обороны коллектива от алкогольных пуль. Они отважно спасают своими желудками от этой напасти других.

Лихо. И мы тут тоже герои! Плохо, что герои редко доживают до преклонного возраста.

Шеф. Моя планка – девяносто.

Николай. Вопрос в том, кто стреляет и кто герои? Полное название стрелков: сообщество социал-интернационально-национальных сынов разных народов, в быту «X,Y,Z-сонов». Это они используют пулемет с алкогольными пулями против всех без исключения, а попадают, увы, в русских.

Лихо. У русских низкая генетическая защита. Чуть крепче, чем у чукчей. Выходит, не все нации вхожи генетически в твою лженаучную модель всемирного заговора.

Николай. Но зато все тяжко пьющие принимают огонь на себя и, таким образом, спасают свою нацию. Бутлегеры не спят по ночам, гонят пойло через аппараты, а славянские пьяницы, богатыри, всё это уничтожают быстрее, чем шинкари успевают бутылировать. ** Герои! У чукчей дело хуже, почти все спились.

Я. Пьющий за двоих Геракл всегда защищает и спасает слабого компаньона. Это не нарушает принципов питья, равенства и братства. Ведь существует биологически константа, постоянная доза доступного организму алкоголя на единицу массы тела данного организма. Поэтому, с позиции алкоголя, чем меньше вес мужчины, тем больше он пьян и глуп.

Шеф. И не только с позиции алкоголя. @

Заземлитель. Благодарю! Получается, мы с доцентом – абсолютные идиоты. Вот так новость! Но тут есть и другая абракадабра о международном общественном национал-интернационале. Что слышно об этом монстре в кругах патриотов?

Николай. Чудовище, это так просто. Наши высшие правители из всех племён и народов Союза и их носато-глазастые советники – это международные функционеры, каждый со своей национальной начинкой. Моё предложение, определять их – иннацистами. Улавливаете, интернациональные, но родные всем националисты!? Не путайте с нацистами, хотя они одного поля ягоды. Деятельность этой своры, как явление, означает борьбу против национальной сущности народов. Прежде всего, они опекают русских. А один стихоплёт, не помню какой, сказал: «Кто в расчёт иннаци не берёт, тем в тумане Клио предстаёт!».

Кинг. Однако, творя историю, они создают советский народ.

Заземлитель. Наш величавый краснобай молдаванин создаёт только анекдоты. *

Слава. Он такой же молдаванин, как я китайский император. Последний раз в Брюсселе мы в аэропорту вместе с нашим директором столкнулись с русским патриотом. Мы ждали самолет, он услышал наш разговор по-русски и представил себя эмигрантом второй волны. Патриот был злой, как дьявол.

Заземлитель. Дьявол и два младенца.

Слава. Он был не против Советской России, но, по его словам, против глупости русских. Он не кричал, но говорил отрывисто и хрипло, вроде, подбирая слова, что его бесит нонсенс русской жизни. Что? А то, что глупо терпеть иудейских правителей Брежнева и Андропова. Кто? Почему? Ну!... Да, товарищ Бровастый является чистокровным караимом, из малого племени евреев, верней, иудеев Крыма. Самый малый и странный народец России. Верней, Украины и Литвы. Что, вы не могли найти лучше? А товарищ Губастый является чистокровным экземпляром из кагала. Разве это не ужасно, жить без своего имени и скрывать род-племя? Разве это не опасно для России?

Кинг. Последний день Брюсселя! А вы?

Слава. Сначала мы возражали, искали российские корни. А потом, после некоторых деталей, трусливо от него сбежали. *

Заземлитель. Ерунда всё это! Вот я – сечевик. Ну и что? В Штатах и негры – американцы. А твои, аналитик-теоретик, новоиспечённые иннаци раскалывают общество подозрением. Рознь! Только этого нам и не хватало.

Николай. Какие подозрения? Это свет недалёких звёзд Гражданской. Предупреждение и напоминание о том, что бывает, когда бесы и балбесы стоят у руля. Кто ещё хочет мировой революции? А никто. Так потрудитесь разобраться, кто есть кто. Хотя бы как на Сечи. Хватит нам преступных чужаков. Пора поумнеть!

Заземлитель. Вот это и приведёт к тридцать седьмому...

Николай. Опять двадцать пять. Учиться надо, господа евро-азиаты...

Кинг. Умные, те учатся на чужих ошибках. Дураки – на своих шишках. А идиоты, те вообще не учатся. Наш вариант, не хочу учиться... Да и опасно много знать.

Николай. Хочу, не хочу! Свои лидеры – гарантия стабильности. Всяк сверчок знай свой шесток. В нашем колхозе всё тянут на горбу русские, а дают указания, куда...

Шеф. Стабильность, дебильность... Внимание, внимание... Господа, ближе к теме! Камрад Князев, вы знаете какие-нибудь английские слова, которые будут для вас подспорьем, чтобы не потеряться в Лондоне и найти дорогу домой? Ведь тебя будут ждать здесь оставшиеся великие дела.

Я. Несколько слов для того, чтобы не заблудиться, мне известны. Но домой я смогу отправиться, только если перед тем попаду туда.

Заземлитель. Он знает слишком много.

Шеф. Он ничего не знает. Мы все знаем только всякую хренотень. Его следует отпустить с поводка, он должен проветрить мозги. Хотя, возможно, все бесполезно и пора брать автоматы и искать им цели...

Слава (тихо мне). Когда шеф упоминает об автоматах, то это означает первую стадию его опьянения.

Я (тихо Славе). Да. Знаю. Вторая, когда он перейдёт в выражения на иностранный.

Слава (тихо мне). Мы ещё это услышим, поскольку вот-вот прибудет с подкреплением

Палыч (громко). Ура! Вот и он, лёгкий на помине. **

Входит Палыч, в руках чемоданчик.

Шеф, обращаясь к Палычу. Как дела?

Палыч. Всё прекрасно. (Достаёт бутылки) Особенно, когда хорошо напоследок, а тут не просто хорошо, а восхитительно! Рябина на коньяке! @

За столом лёгкое волнение, деловая суета, заполнение бокалов и подготовка нехитрой закуски по тарелкам.

Шеф. Да. Ende gut, alles gut. Ещё раз за наступивший год и за твоё, изобретатель, благополучное начало в Лондоне.

Компания выпивает, стук приборов из представительской сервировки дирекции. Кое-кто, перекусив, закуривает.

Шеф, обращаясь ко мне. Скажи мне, ты получил документ, перевод нашего ГОСТа?

Я. Он будет готов, я имею в виду копию для Лондона, завтра.

Шеф. О. К.! На сколько я знаю, это будет первый документ, первый случай, когда мы осчастливим МЭК нашим ГОСТом на английском. Вся Европа будет смотреть на твой дебют. А лондонские надёжники, как коты, будут урчать от удовольствия.

Заземлитель. И я знаю точно, он им нужен, как рыбке зонтик. ** Мы решили передать им нашу терминологию в области надёжности для их полного счастья. Слова на импорт от щедрот нашего словопроизводства...

Шеф, обращаясь ко мне. Хоть тебе как курьеру этого и не надо, но чего-нибудь ты в нём, да понимаешь? Ведь этот документ – математическая песня наших учёных евреев.

Я, откашлявшись. Математическая надёжность, наука охмурять, для меня тёмная ночь. Хотя её, может быть, и возможно понять как идеальную модель. Хорошо бы, без меня. Но исследовать явления, связанные с отказами, экспериментами в нашей специальной среде, я думаю, может быть полезно. Заказчик клюнет и денег даст. А содержание ГОСТа более или менее ясно, там всё логично... (Все жуют молча, я продолжаю). Однако существует килограмм пять документов ТК 56 по намечаемой встрече, Их я даже не листал, потому что не верил, да и сегодня неуверен, что появлюсь в этом уважаемом техническом комитете. По сему, как говорят англичане: «the proof of the pudding is in the eating». В смысле, пудинг надо есть, как вы жуёте разносолы, а не смотреть на него за разговором. *

Шеф. Ты знаешь, о чём с ними говорить?

Я. Московский босс, уважаемый товарищ Пролейко, просил меня хранить молчание и утверждать решения большинства. ** Как я понимаю, это универсальная методология, что в главке, что в МЭКе. Я знаю, о чём мне с ними молчать.

Заземлитель. Захар и другие специалисты из его лаборатории знают эту проблему, но их подводит пятый пункт! Он бы объяснил, в чём все тонкости ГОСТа. С переводчиком, конечно.

Николай. В Женеве, по разным конторам, полно наших людей, неподверженных якобы проклятию пятого пункта. Да и в нашем институте тоже очень многие достойные имеют его и без каких-либо негативных результатов. Нечего там объяснять и некому.

Кинг. Глянуть на нашу компашку заклинателей надёжности, а также на всю систему научно-художественного развитого социализма, то предстанет вполне сложившаяся интерплеменная нация интеллигентов. Ничего не скажешь, добились.

Заземлитель. Ура, новое слово в этнографии...*

Кинг. А и бог с ними! Я не против династий докторов-скрипачей. Только опасаюсь, заиграются и возомнят себя сверхчеловеками. А где сорвавшиеся с цепи наци, там капут.

Заземлитель. Они и так избранные. Тебе-то чего?

Кинг. Да я и не против капута, но стоит это дело дороговато. **

Слава. Нее, они слишком любят деньги, рейхстаг поджигать не станут.

Кинг. Подумаешь. Налицо нация богатых, всегда правых интеллигентов, а будущее в тумане и приход коммунизма с кузькиной матерью не за горами.

Я. Дай волю, каждый чухна возомнит себя арийцем, но к нашему делу генезис племени интеллигентов не пришьёшь. А вот ГОСТ на то и ГОСТ, чтобы больше ничего не объяснять. Хотя блеснуть эрудицией заманчиво. Только вот для этого нет слуг-переводчиков. Тут другое дело: если мы такие умные на формулы, почему только у них такие надежные изделия? Однако Захар и иже с ним тут ни при чём. Они пахнут как папы Карлы на поле экспериментальной статистики в их цехах, набитых вечно жужжащими испытательными камерами.

Николай. Давайте попробуем посмотреть на ситуацию с другой точки зрения. Наша методология оценки надёжности имеет главную цель – затуманить суть проблемы (отсюда высшая математика) и обеспечить беспрепятственное появление в мире дефектной продукции, другой у нас не бывает, без каких-либо серьёзных санкций её производителю. Наша система настолько крепка, что ей это нипочём. А разборчивый Запад не хочет признавать такой хороший метод. Они боятся обанкротиться. Мы не боимся. ** Кстати, когда есть возможность, они тоже экономят на качестве.

Слава. Очень толковые человечки из генералов и чиновников дали этот социальный заказ нашей науке. И славная прикладная компания творцов науки надёжности, Захар там не последняя деталь, выполнила этот заказ. Сколько документов, статей и диссертации! Мой друг, вы понесёте на Запад наш ответ Чемберлену. *

Лихо. Советская гора родила мышь надёжности.

Заземлитель. Мои надёжники делают то, что они обязаны делать, ничего более. Вы все получаете свой кусок от потуг надёжности.

Кинг. Палыч! Ты глянь, они рассуждают как нахлебники нашей бедной промышленности, и некоторые из них просто паразиты?

Палыч. Кинг, они только портят материалы и бумагу. *

Шеф. С надёжностью всё слишком сложно, а наша печальная реальность очень проста. Никто не хочет работать, натура – не дура, а дисциплину закручивать не велено. Вы также не хотите, но я заставляю вас давать отдачу в виде денег и орденов... И для меня тоже! В России нужный порядок может поддерживаться только железной рукой.

Шеф делает паузу, наполняет свой бокал, показывая пример остальным.

Шеф. Существует еще один способ: свернуть железный занавес. Но лидеры застоя ничего не могут сделать, они не способны использовать для управления промышленностью ни кнуты,

ни пироги. Таким образом, уровень ненадёжности нашей продукции является результатом необъявленной всероссийской забастовки за право меньше работать за те же деньги. И твои гегемоны, Палыч, не лучше, чем махровые негодяи из Москвы.

Палыч. Да ситуация хреновая. Но до царей далеко. Они оставили нас в покое и в одиночку с гегемонами. И мы можем жить для себя, пока в Москве не вырастят для углубления нашего социализма из волчат новых хищников взамен постаревших и ленивых всеядных. Так будем же пить всё, что льётся и трахать всё, что шевелится. ** За нас!

Все дружно пьют и закусывают

Кинг. Они ещё могут придумать какие-нибудь новые передряги. Например, это может быть небольшая победоносная война, чтобы продемонстрировать свой героизм.

Шеф. Это вряд ли, разве что очень маленькую.

Николай. Да, с Китаем или с муллами. Хотя, вроде Даманского теперь едва ли получится. А с басмачами война была совсем крошечной, всего двадцать лет.

Лихо. Закончим войну, поскольку боеприпасы на исходе. Палыч, ты богат амуницией?

Палыч достаёт из чемоданчика три бутылки, открывает их.

Палыч. Вот всё, что есть на складе. Предлагаю выпить за мир и дружбу.

Общее оживление в ходе организации выпивки и закуски. Шеф даёт команду «Поехали!» Всё смолкает, а затем начинаются малозначимые разговоры с соседями по столу о разных местных новостях. Неожиданно гаснет свет. Раздаются голоса возмущения и сожаления. Лакей появился в дверях со свечами в старинном канделябре.

Лакей. Это перерыв в электроснабжении. Главный фидер обесточен. Все круглосуточные испытания остановлены, возможно, до утра. @ Проблема надежности в её неожиданности и неизбежности требует дальнейших обширных исследований.

Лихо. Наши планы! Опять мы без питания и ничего не поделаешь.

Кинг. Надо так стоять планы, чтобы в них была одна бумага, желательно, с водяными знаками, и никакого электроснабжения!

Шеф. Ваши планы являются обязательным законом для вас и для действительно реальной, железной премии. Выполнить их – плёвое дело, только без паники. Heute, heute, nur nicht morgen, так умельцы говорят.

Палыч. Славяне, а чего нам делать на станках без электротока?

Я. Опять завал с электрификацией. Хорошо, хоть советская власть на халяву и не отключается из-за нищеты.

Заземлитель. Пока что!

Шеф. Wir fahren nach Moskau mit Kalashnikovs. Wir bedürfen eine Diktatur... Как это? For uninterruptable power! **

Слава. Э, нет. Нам нужна демократия.

Николай. Нам нужны русские мастера, настоящие собственники, а не наёмники.

Лихо. Нам нужна палка.

Кинг. Нужны права каждому и закон для всех.

Заземлитель. Нужны деньги. И чем больше, тем лучше.

Я. Нам нужно, чтобы Он нас не оставил.

Палыч. Нам нужны остатки, которые сладки!

Палыч разливает, что осталось в бутылках, по бокалам, садится и запекает приятным низким голосом. Все ему начинают подпевать.

«На дальней станции сойду,

Трава по пояс...» (далее по тексту).

Лакей (бормочет под нос). Они снова с этой поэтической слезой. Сколько можно? (Он же после окончания куплета песни) Мои аплодисменты исполнению при свечах этой лицемерной лирики господина Танича. Однако я обязан снова напомнить вам о позднем времени!

Слава (лакею). Замолчи, старина! Это наш человек. Все, даже истребители танков и заключённые уважают его как поэта.

Лакей. Красные комиссары, вкусив крови, превратились в бухгалтеров и в лириков без угрызений совести за содеянное! Позор для всех, кто понимает и, молча, выслушивает, как эти господа увещевают славян покаяться за сделанные ими же самими мерзости. Нет на вас Ивана Грозного! А на фронте, в праведной битве, ему, песеннику вашему, помог архангел Михаил, поскольку сын за отца не отвечает.

Слава. Что-то ты разговорился, а ничего не пил. Да он Россию любит...

Шеф. Палыч, давай дальше.

Палыч поёт следующий куплет, остальные слушают, иногда подпевая:

«На дальней станции сойду,

Запахнет мёдом...» (далее по тексту).

Заземлитель. Советский солдат Танич не отвечает за еврейских гаулейтеров и группенфюреров Гражданской войны. Еврейский народ тоже. Может быть, тебе нужна коллективная вина? Мудрец из нафталина!

Лакей. Мне она не нужна, но Мойша, тот – не против. Ведь это его поэтический перл, что за убийство Романовых отвечает не Янкель Свердлов, а русский народ. Чтобы убить помазанника с семьёй в подвале, а потом свалить преступление на оставшихся без царя, без веры и без отечества, для этого надо быть уважаемым лириком. Почему бы и нет?

Николай. Что позволено Юпитеру, того не может ослик. Чего обсуждать? Существует естественный двойной стандарт: пусть немцы платят за своих фюреров, но за наших пришельцев никто не будет платить никогда. Сами, дурачье, развязали Гражданскую, никто другой ни при чём! Да, без царя, в голове...

Я. Теперь мы можем обсуждать этот бистандарт оценок и назвать себя русскими, но мои родители и их друзья, когда были в наших летах, не имели возможности делать это. Помню мальчишкой, ещё до войны, они даже называли наших знакомых из племени Сиона «французами», как будто обозначение принадлежности человека к еврейству было большой тайной. Нагнетали русофобию с перепугу.

Николай. Вот-вот, а в 20-х даже за утверждение, что ты русский, били не по паспорту. Из России, да в Хазарию! И это в стране, где почти все – русские.

Палыч. Я помню в детстве, в моей родной деревушке Ульдиге, что близ Плюссы-речки, старики всех чужих и чёрных также называли «волками». И они же называли стаю волков, которые выли осенью, ордой.

Николай. Открываются новые термины, ура! Я не знал, что славянский фольклор так решил эту проблему идентификации для наших международных сил. Теперь мы можем брать весь спектр пословиц и поговорок о волках, чтобы определить природу орды. ** Да, вот ещё французская поговорка на волчью тему: «хороший волк – плохой спутник».

Заземлитель. Актуально, общая овца – прибыль волка. @ Это из практики.

Лихо. Ты считаешь, волк пересчитает! **

Шеф. Хуже всего, что с волками жить – по-волчьи выть. ** А только, они – санитары леса. На то и щука в реке, чтоб карась не дремал.

Кинг, обращаясь к Николаю. Да, это термин, Коля, понятен больше, чем твой затёртый «интер». * Волки есть волки, орда интеллигентов! Это настоящее имя для стихии, с которой мы живём. Но мы не спели следующий куплет. Эй, старина, не мешай!

Лакей. Моё дело – сторона, сами разбирайтесь с волками-пастухами, интер-бардами...

Шеф. Дурак, не порти песню...

Я. Обязуюсь спеть её в Лондоне, если вдруг туда попаду и представится случай.

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Song of Drinking

Once set a nice party and did it with pleasure,
Taking bottles at liking and snack at their leisure.
And from duty to girls conversation just goes,
Striking minds of officials, friends, and their foes.
Their light youth fed a game and ironical things.
Who was known that betrayal got ready its wings?

Клип 1.3. Паруса, снега и ЦК

*Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах...*
(А. С. Пушкин)

Мой дорогой читатель, может ли вы представить себе чайный клипер, который быстро плывет на юг, подгоняемый северным пассатом? Плывёт белый воздушный замок высотой в шесть этажей с двумя крыльями, которые имеют по три этажа дополнительных парусов. Перед вами огромная белоснежная сфера, которая катится по синему цвету бескрайней Атлантики. Она обгоняет бесчисленные волны, иногда вспенивая их. Белые кучевые облака и гривы волн помогают ей бежать вдаль от родных и близких, чтобы выиграть судьбоносную игру рынка за чай на бирже. Мольбы и просьбы, обещания и проверки, суeta и дорожная пыль, все уже позади. Свобода с её неизбежным бременем моря, жизнь по закону природных изменений, по хронометру солнца и луны, только это сейчас является реальностью, ушедшего в море клипера. Никто и ничто не остановит его сейчас. Он стал частью океана.

Если вы можете представить себе эту картину, то вы представите себе моё чувство свободы и легкой тревоги от неопределенности будущего перед предстоящим отплытием. Тогда вы поймёте, что, когда в воскресенье днём я положил в карман билет Аэрофлота на ранний рейс в понедельник из Ленинграда в Москву, то в тот момент я и появился на борту чайного клипера, готового к отплытию. Тогда я решил мою последнюю нелегкую задачу, чтобы очутился в море под всеми парусами. Физически я ещё был рядом с кассой Аэрофлота на Московском вокзале в Ленинграде, но метафизически я уже был на борту готового к отплытию клипера. Верно, вокруг царила вокзальная суeta и атмосфера новогодних каникул, была видна безнадежность положения безбилетных пассажиров, безуспешно собиравшихся уехать. Да, оставались обязанности, семья, друзья. Но теперь я не был безбилетным и от этого уже покинул свой привычный мир. Беспокойная душа бродяги уже была на борту, теперь уже ничто не могло остановить меня на пути в океан.

Вы спрашиваете меня, почему я уделил внимание такому рядовому событию, как покупка билета в Москву, будто бы оно и было реальным началом моей поездки? Да просто потому, что в период каникул всегда существовала неразрешимая проблема с билетами в Москву, и достать билеты на ночной поезд практически было невозможно. Так что я пошёл в кассу Московского вокзала в то воскресное утро без реальных надежд на успех. И я был прав, потому что мой билет в Лондон в понедельник как уважительная причина на срочность поездки не произвёл на старшего кассира никакого впечатления, билетов не было ни за какие деньги. Мне оставался крайний случай: договориться вечером с проводником какого-либо уходящего поезда, рискуя нарваться на неприятности в качестве безбилетника или вообще не попасть в понедельник в Москву. Перспектива была не из лучших, с неясным финалом. Вот к чему привело моё нежелание брать билет заранее, до того, как я буду знать, что полёт в Лондон состоится.

И тут, получив отказ и раздумывая о превратностях судьбы, я вспомнил об Аэрофлоте и пошёл в его кассу, в ту пору она была в вестибюле метро при вокзале, без всякой надежды, что удастся купить билет там. Только недотёпа или тот, кто, кто не имеет никакого желания быть в Москве в первой половине дня в понедельник, мог думать купить себе билет в кассе Аэрофлота в воскресенье. Именно поэтому перед одним открытым окошком кассы Аэрофлота не было никого. Похоже, кассирша ждала именно меня, поскольку здесь была моя судьба. Бог сподобил меня поехать в Лондон, из Советов в англосаксы, из одного мира в другой. Что могут

сделать зимние штормы или московские бюрократы, если Он благословил меня на поездку? Ничего! Здесь возникло моё чувство свободы и тревоги перед неопределенностью будущего. Здесь, попав на борт готового к отходу парусника, я почувствовал себя частью океана.

Я перестал обращать главное внимание на текущие дела, хотя они окружали меня, поскольку они отошли на второй план. Собрал вечером багаж, я начал интересное и очень необходимое для меня дело, которые откладывал до этого момента. Я начал читать книгу-путеводитель о Лондоне, которую не брал до этого в руки сознательно, пока не купил билет в Москву. Так что с раннего утра в понедельник, распрощавшись с семейством и выйдя из дома, я уже был в грандиозном мире Лондона, рассматривал фотографии и схемы. Я плыл под полными парусами и целый день наслаждался, читая каждую свободную минуту о том, что вот-вот должно стать для меня новой реальностью. Читал с перерывами до того момента, пока в ночной темноте не засветилась огнями маяков береговая линия Англии. Кстати, книгу я прчёл к этому моменту.

Возникла только одна неожиданная помеха, когда в самолёте уже перед Москвой мой сосед понял, что в моих руках книга о Лондоне и начал излагать мне свое мнение об Англии. Он полагал, что именно Англия является наиболее культурной и ухоженной частью мира. А что касается США, то это только дикий Запад со многими проблемами, которые неизвестны в Англии. И, в первую очередь, это происходит потому, что англичане были первыми, кто осознал возможность экологической катастрофы нации ещё в XIX веке. Они предупредили её. Однако остров получил в этом деле только отсрочку потому, что экологический коллапс – это наше общее будущее, наша судьба. Я оплошно не согласиться с ним, и разговор вёлся до Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.